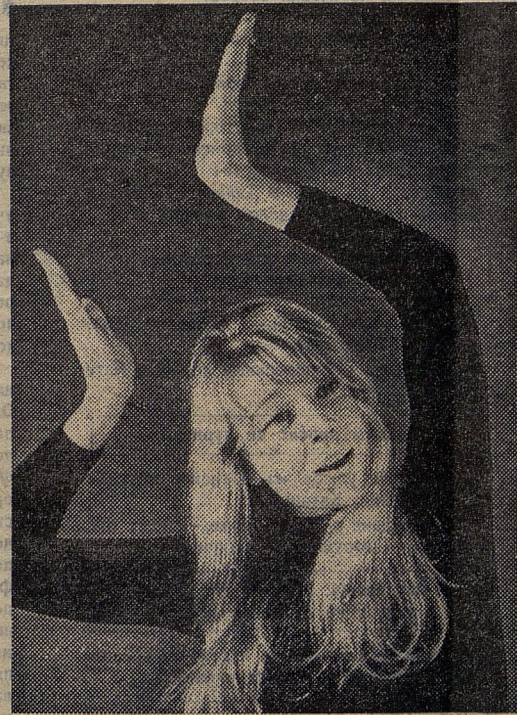

12 OKT 1969

ОЖИВЛЕНИЕ И "ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ" МЕДВЕДЕВА
Г. МОСКВА

ГРАНИЦЫ ЭСТРАДЫ

ЧТО
НОВОГО
У МУЗ

Некоторые жанры, развиваясь, стремятся превратиться чуть ли не в самостоятельные виды искусства. Пантомима раньше была одним из элементов балета, театра, цирка, но в последние годы балет все больше освобождается от нее, цирк ею пренебрегает, и пантомиме приходится стать самой собой. Что она и делает.

Процесс этот идет в разных городах и творческих коллективах, но у него есть и некий центр — не географический, а, так сказать, идейный — мастерская оригинальных жанров Московского под руководством Сергея Каштеляна. И прослеживается он очень явственно на том, что делают его ученики.

Искусство, достигшее зрелости, может предлагать зрителю или читателю не законченное произведение, но сам процесс его создания, так сказать, «кухню» художника, подготовительную работу: класс в балете, этюд в живописи, фрагмент в литературе имеют собственную эстетическую значимость. В пантомиме Юрий Медведев показывает закулисные упражнения мима, разминку перед номером — это номер, причем интереснейший. Без сюжета —

точнее, отрывки десятка сюжетов мелькают перед нами — как будто без желания заинтересовать зрителя... непридуманная импровизация, а за ней видишь то великолепное владение своим телом, которое и позволяет импровизировать, которое делает жест и позу фактом искусства. Но в этом номере есть и что-то кроме уверенного профессионализма — духовный уровень актера.

Пожалуй, только в пантомиме с ее безусловностью пластики и культурой движения и жеста возможен такой номер, как вариации на темы Огюста Родэна — его показывают Аида Чернова и Юрий Медведев. Не копии скульптур — это было бы ужасно, — но пластические темы великого француза оживают, почти не фиксируясь, переходят одна в другую; вот, кажется, родэновский «Поцелуй» — нет, тоже фантазия на тему, и тут же дальше, дальше. Для такого номера нужен сформировавшийся жанр и такие актеры, как Чернова и Медведев. Их хорошо знают по спектаклям театра на Таганке, они — часть этого театра, но, как и многие другие таганские актеры, временно покидая его стены, становятся еще и собственным «театром».

Один из главных признаков зрелости жанра, обоснованности его притязаний на то, чтобы стать самостоятельным видом искусства, — это его разнообразие. Сегодня пантомима бывает комической и сатирической, ей доступны публицистика и лирика, плакат и эксцентрика. Она соединяется с та-

дем, акробатикой, жонглированием, настойчиво стремится не только к демонстрации техники, но к созданию образа. Персонаж Александра Жеромского — Мульти (имя происходит от мультфильма) — уже на пути к этому. Главное в Мульти — не его мультитипичная техника движения, а непосредственность и открытость чувства, взятая у героев мультфильмов (помните широко распахнутые глаза Диснейевского Бэмби?). И сюжеты — оттуда же: Мульти лепит снежную бабу, Мульти ловит мотылька, чтобы рассмотреть его, нечаянно убивает и приходит в отчаяние. Пантомима чаще всего обращается к простым сюжетам и темам — здесь важен не сам сюжет, но тот уровень искусства, на который его удается поднять актеру. Молодой артист Владимир Михайлов показывает сравнительно простые этюды — с игровой картой, с рапирой — и все же запоминается: запоминается индивидуальность актера.

Так что пантомиму можно назвать оригинальным жанром уже с некоторыми оговорками: она понемногу становится жанром вполне равноправным другими, создает свои крупные формы, полнометражные спектакли. Что же касается собственно оригинального жанра, то такие номера тоже делаются в мастерской Москонцерта — Алексей Горяченков из собственных пальцев изображает теневые силуэты, шарки на популярных певцов, похожие и мешные.

А теперь самое время сказать о че-

ловеке, который все это делает, — о руководителе мастерской Сергее Каштеляне. Прекрасном педагоге, ищущем художнике, человеке, о котором уже сейчас слагаются легенды в актерском мире. О его умении помочь актеру найти и проявить свою индивидуальность, о том, как щедро тратит он себя на своих учеников. Больше всего о нем, конечно, говорят именно они, ученики — от начинающего актера Владимира Михайлова до всем известного Бориса Амарантова. Современная пантомима — в значительной степени творение Каштеляна, поиски новых ее путей, захват новых сфер влияния связаны с его именем. При этом неизбежные издержки эксперимента не отвращают его от самого эксперимента.

Так что есть, вероятно, некая закономерность в том, что одна из самых своеобразных наших эстрадных певиц, Елена Камбуrowa — тоже ученица Каштеляна и даже участвовала в творческом вечере его мастерской, хотя была там единственной певицей. На сегодняшней нашей эстраде она — своего рода оригинальный жанр. Жанр этот получил название литературной песни — название не вполне точное, потому что, как и в любой хорошей песне, слово в нем не оспаривает первого места у музыки, а делит его с ней. Но функция слова — иная, оно не для настроения, а для мысли и смысла, и смысловое развитие в такой песне не менее важно, чем эмоциональное. Литературную песню включают сейчас в репертуар почти все, но

у Камбуrowой — только она, а если попадают и такие, которые вроде бы не входят в эту рубрику, актриса делает литературными и их, превращает песню в новеллу.

Меньше всего хотелось бы представить Елену Камбуrowу только рассудочной и логичной певицей. Она может позволить — и позволяет себе — эмоциональные взлеты редкой силы. Но (в отличие от других) у нее всегда видишь, как и из чего рождается чувство — из текста, из отношения актрисы к тексту, из неожиданной смены акцентов. Современный стих точно построен в нем всегда ощущается логика образа, ритма, звука, что не мешает ему захлебываться от страсти. То же и у певицы, воспитанной на современной поэтической культуре. У Камбуrowой — интуитивно точное чувство стиха и вкус к неожиданным и законченным решениям. Она как будто стремится выйти за рамки одной песни, песня у нее — часть чего-то большего (может быть, жизни?). Оттого в рамки обычного сборного концерта она, как правило, не укладывается, остается ощущение полужанковости, чего-то недоговоренного. Чтобы высказаться, ей нужен цикл песен, объединенных даже не одной темой, но одним — ее — отношением к жизни. Но тот же таривердиевский цикл, музыкально цельная форма оставляет вне своих пределов еще многое из того, что ей хочется спеть и сказать.

Она ищет, пробует, меняет решения, одни и те же песни звучат у нее по-

разному. «Капли датского короля» Булата Окуджавы раньше были легкой ироничной песенкой, которой она заканчивала выступление, — сейчас ирония осталась, но стала серьезнее, драматичнее. Поиски Камбуrowой — это всегда поиски драмы, внутреннего конфликта, в разрешении которого и находит себе выход, выплеск чувства певица. В знаменитой «Орленке» (песня стала хрестоматийной, манера ее исполнения — канонизированной) она отыскивает противоборство чувств — преклонение перед подвигом, скорбь матери, трагизм ранней смерти, — и все это сливается, сплавляется у Камбуrowой в особенный, трагический пафос: песня воспринимается как новая, в первый раз услышанная. В сущности, это и гребется от любого артиста — открытие нового в знакомом и изданном. Открытие нельзя совершить на любом, первом попавшемся материале, но Камбуrowa обращается только к таким песням, в которых оно возможно.

И пантомимы Каштеляна и песни Камбуrowой — эстрада. Однако они несколько расширяют границы понятия. Их эстрада — это простые решения сложных тем. В этой простоте есть, разумеется, своя сложность, но она остается в глубине, зрителю предлагается номер по-эстрадному популярный, но сделанный по критериям искусства вообще.

Ю. СМЕЛКОВ.

НА СНИМКЕ: Аида Чернова.

Фото В. Попкова.